

УДК 321 + [316 : 339.982] : 321.64 (47 + 57)(091)"19"

Философские и социально-экономические противоречия советской тоталитарной системы

Л.В. Пашенко

*Факультет мировой экономики и международных отношений МГТУ,
кафедра связей с общественностью и лингвистики*

Аннотация. Среди проблем XX века, требующих глубокого научного исследования, следует выделить феномен тоталитаризма. В статье предпринята попытка философского осмысления и выявления противоречий, которые привели к дестабилизации и деградации советской тоталитарной системы и способствовали ее падению.

Abstract. The phenomenon of totalitarianism among the XX century problems is considered to require intensive scientific research. The author has analyzed philosophical problems and contradictions causing destabilization and degradation of the Soviet totalitarian system and later – its collapse.

1. Введение

Тоталитарные системы, сформировавшиеся в Германии и СССР в 30-х годах, характеризовались неразрешимыми противоречиями и несли в себе саморазрушительные тенденции. Среди исследователей имеются расхождения в определении этих противоречий. Нацистский режим в Германии, фашистский – в Италии были разрушены в результате поражения во Второй мировой войне. В связи с этим среди исследователей тоталитаризма сложилось мнение о невозможности внутренней реформации данного режима. В отличие от них, советское общество прошло полный цикл развития тоталитаризма – от формирования режима до стабилизации и распада. Крах Советского Союза способствовал актуализации тематики тоталитаризма. Выявление причин внутренней неустойчивости советской системы является важнейшей задачей современной общественной мысли, поскольку помогает понять происшедшее и способствует противодействию его возрождения.

2. Трансформация советской политической системы во второй половине XX века

После смерти Сталина в жизни СССР произошли важные перемены. Прекратился террор, исчезли массовые чистки, подобные чистке 1936 г., и процессы с фальшивыми признаниями. Была объявлена широкая амнистия политическим заключенным, стали исчезать концлагеря, смягчились законы и судебная практика. Угроза сурового наказания, постоянно висевшая над советским человеком, ослабла. Сделались возможными контакты с иностранцами. Шире стали дискуссии, смягчилась политика коммунистической партии в области истории и искусства. Данные изменения позволили европейским наблюдателям сделать вывод о "либерализации" политического режима в СССР и вселили надежду, что он превратится в общество демократического типа. Американский исследователь У. Лакёр, руководитель Центра стратегических и международных исследований при Джорджтаунском университете в Вашингтоне, дал следующую характеристику советскому тоталитаризму постсталинского периода. "Сталинизм в Советском Союзе был заменен чем-то иным, что делает трудным характеризовать и анализировать его. Массовые репрессии прекратились. Существенно уменьшилась и масштабность ГУЛАГа. Вдобавок ко всему, произошел раскол в международном коммунистическом движении" (*Liqueur*, 1985).

Вместе с тем следует отметить, что уровень насилия падает по мере того, как общество привыкает к этим порядкам, смиряется с ними. "Смягчение" режима по сравнению со сталинским периодом, если под этим понимать уменьшение числа жертв, действительно произошло, и весьма значительное. Но все это является лишь следствием и свидетельством стабилизации тоталитаризма. Основные принципы, на которых зиждется тоталитарный строй не меняются: полное бесправие личности и отсутствие элементарных гражданских свобод; бюрократическая система правления, при которой все решения обсуждаются и принимаются негласно; пресечение обмена информацией и идеями; массовая дезинформация населения средствами печати, радио; ложь и лицемерие, возведенное в норму общественной жизни; империалистическая внешняя политика. Как справедливо настаивал Г.-Й. Глэснер, произошедшие изменения – это, прежде всего, изменения внутри режима, а не самого режима. К подобным выводам приходит и У. Лакёр. По мнению ученого, преобразования, начатые Н.С. Хрущевым после смерти Сталина, не изменили сущности системы.

Вместе с тем, произошедшие изменения свидетельствовали о противоречивости советской системы и развитии процессов, которые впоследствии приведут к длительному кризису.

По мнению К.Г. Баллестрема, тоталитарные системы в своей деятельности были не только слабы, но отчасти и хаотичны, исключительно непроизводительны. Все области тоталитарной системы противоречивы. "Можно наблюдать своеобразную диалектику, – пишет *Баллестрем* (1992), – бесконтрольная власть становится безвластной, центральное планирование – бесплановым, предписанная вера – безверием. Такое развитие характерно для всех тоталитарных систем. Более того, что как раз те формы господства, которые тоталитарны не просто в замысле, но и в своей основе, порождают, с одной стороны, паралич общественного организма, а с другой – провоцируют уничтожение системы".

Актуальными представляются взгляды современных отечественных исследователей, которые считают, что большевизм как особое социокультурное движение двойственен и в моменты кризиса нес угрозу саморазрушения. Отношение большевизма к обществу, с одной стороны, основано на идее самоценности общества, на стремлении жертвовать всем во имя его блага, прогресса, поднятия на более высокий уровень развития. С другой – оно основано на стремлении превратиться в "руководящую и направляющую силу", заместить буквально все функции общества своими собственными функциями, а все организационные нормы – своей собственной организацией. В этом проявилось стремление к минимизации самоценности, функциональной самодостаточности исторически сложившегося общества, что имело трагические последствия, – отмечают ученые, – как для общества, так и для самой партии (*Ахиезер и др.*, 2002). По их мнению, сами исходные теоретические основания большевизма носили двойственный характер, они опирались на противоположные культурные традиции, склонные вступать в состояние взаиморазрушения и конфликта.

Противоречивость советской системы можно проследить на примере изменения коммунистической идеологии. Философ А.С. Ахиезер отмечает, что "партия на протяжении советского периода, по крайней мере, семь раз коренным образом изменяла содержание, смыслы идеологии" (*Ахиезер*, 2000). Ученый анализирует данные этапы и указывает, что для каждого был характерен свой идеал. Во всех без исключений случаях каждый этап оканчивался банкротством деятельности партии на основе соответствующего идеала, и внутри схематизма нравственного идеала необходимо было срочно менять ориентацию. В конечном итоге были исчерпаны возможности некоторого социокультурного цикла, и большевизм испарился как государственная власть. Так, в 30-е годы советскими руководителями было сделано заявление, что социализм победил, но не окончательно, затем в 70-е годы было введено понятие развитого социализма. Он должен был охватывать всю "обозримую историю", так что полный коммунизм снова оказался далеко за историческим горизонтом.

"Для коммунистической идеологии различение высшей и низшей ступеней коммунизма очень удобно, – отмечает *А.А. Зиновьев* (1994). – Коммунизм при этом вроде бы уже есть, и вроде бы его еще нет. Есть частичка, а целиком будет когда-нибудь потом. Все дефекты реальной жизни в коммунистических странах можно отнести за счет того, что еще не достигли полного коммунизма. Погодите, мол, построим полный, тогда никаких таких дефектов не будет. А пока, мол, терпите. На деле такое различение имеет чисто умозрительный характер".

Вера в реальность построения коммунизма стала быстро угасать только в конце 70-х годов. Стало заметно, что коммунистический энтузиазм стал заметно снижаться. В результате общество постепенно перестало быть мобилизационным. Руководство страны вынуждено было уделять больше внимания повышению уровня жизни, производству товаров широкого потребления. В XX веке не раз создавались ситуации, в которых политическое поведение власти и политическое сознание общества оказывались резко не соответствующими друг другу. Режим действует прежними тоталитарными методами, не замечая, что его рычаги сгнили и общество живет по иным законам. Приведенные высказывания позволяют сделать вывод, что в недрах тоталитарного общества формировались тенденции, которые в будущем приведут к политическому кризису системы.

Говоря о процессах, которые способствовали деградации советской системы, нельзя оставить без внимания положение бюрократии. Господство партийно-государственной бюрократии, по мнению А. Бутенко, является главным противоречием советского общества. В целях доказательства своей позиции отечественный философ приводит следующие аргументы. "В ходе эволюции господства бюрократии возникает ситуация, когда складывается противоречие, выражающееся в том, что недовольны и народ, и партийно-государственная бюрократия. Первый – потому, что он чувствует, что это не его власть, что власть принадлежит другим социальным силам. Вторая – потому, что она вынуждена все время прикрывать свое господство, осуществление своих интересов тем, что она якобы служит трудящимся" (*Бутенко*, 1989).

Противоречивые тенденции советского общества можно проследить и в социальной сфере. В результате целенаправленного формирования нового человека в общественном сознании произошли

серьезные перемены. Одним из самых фундаментальных изменений в ментальности советского человека является его слитность с государством.

Тоталитарная система господства предполагает наличие тотального контроля власти над обществом с помощью сочетания индоктринирования масс и искоренения любой почвы для появления оппозиции. В теоретической модели тоталитаризма, действительно, никакой протест невозможен, просто потому, что у полностью "переформированных" и запрограммированных с помощью господствующей идеологии людей не могла бы возникнуть даже сама мысль о том, что "что-то не так". Однако ни одна власть в XX веке не обладала настолько совершенными методами, механизмами и техническими средствами воздействия на сознание людей, чтобы добиться такого результата. Не были исключением ни национал-социалистический режим Гитлера, ни сталинская диктатура. Как в СССР, так и в Германии возникали подпольные группы, хотя бы у части людей сохранялось недовольство существующим положением, а невозможность открытого протеста и сопротивления приводила к широкому распространению пассивного уклонения от труда на благо системы, элементов сознательного или чаще даже неосознанного саботажа. Такие настроения росли и распространялись по мере усиления внутри- и внешнеполитического кризиса тоталитарного режима и, как показывает история СССР, время от времени выливались в открытые бунты и восстания. К 1945 г. большинство жителей Германии уже не питало никаких симпатий к нацистскому режиму и проявляло такое отношение в самых разных формах. Не случайно почти все влиятельные политические силы в послевоенной Германии вынуждены были обращаться к социал-демократическим идеям, чтобы получить поддержку в немецком обществе, хорошо понимавшим, что только радикальное социальное переустройство может искоренить основы фашизма.

Отечественный ученый Ю. Левада, изучая особенности поведения тоталитарного человека, отмечает, что модель нового человека как конструкционного материала для "светлого здания" содержала в себе существенные изъяны, которые, по-видимому, не были замечены при проектировании и обнаружались в ходе строительства. В условиях тоталитарного общества люди вынуждены приспособляться, вести существование, при котором следовать официальным предписаниям невозможно, но необходимо делать вид, что руководствуешься ими. Это порождает как бы двойной стандарт в поведении тоталитарного человека. Появляются феномены, названные Дж. Оруэллом "doublethink" – двоемыслие и "thoughtcrime" – мыслепреступление. То есть жизнь и сознание человека как бы раздваиваются: в обществе он вполне лояльный гражданин, а в частной жизни проявляет полное равнодушие и недоверие к режиму. Двоемыслие ведет к повседневной парцелляции нормативных правил действия, к невозможности генерализации правил социального поведения. В итоге нарушается один из основополагающих принципов тоталитаризма: тотального единства массы и партии, народа и вождя. Двойственный характер тоталитарного человека также описывал французский философ Р. Арон. В индустриальном обществе с одной партией несовпадение грандиозных ожиданий и действительности хотя и не принуждает к отказу от господствующей идеологии, но подтачивает веру в нее. "Человек, порожденный коммунистическим режимом, – не цельное существо, слившееся с определенным верованием, а двойственная натура, он приемлет общие принципы с большей или меньшей убежденностью, зная, что можно, а что нельзя говорить с учетом реального положения дел. Этот человек человеческий, принадлежащий к индустриальным обществам, оснащенный учением, по отношению к которому он испытывает то скептицизм, то фанатизм" (Арон, 1993).

Указанная форма поведения является своеобразным внутренним социально-психологическим механизмом защиты личности от общества, на что обращал внимание еще З. Фрейд. Подсознательное недовольство культурой, обществом, интуитивное осознание тех опасностей, которые несет в себе современное техницизированное и урбанизированное государство, приводит к попыткам иллюзорного бегства от него.

Официальным структурам в общественном сознании всегда противостояла некоторая оппозиция, которая противопоставляла собственные ценности общепризнанным. Учитывая определенные особенности советского государства и неизмеримо более мощные средства контроля и подавления оппозиционных движений, они, как правило, приобретают формы пассивного протеста, кроме активной позиции некоторых представителей диссидентского движения.

Наиболее массовой формой такого протеста в СССР оказались различного рода молодежные движения, прежде всего хиппи. Его представители протестуют против государства через отрицание некоторых общепринятых норм поведения и жизни, но одновременно они не готовы к сознательной, активной борьбе с ним, так как принадлежат к молодому поколению и не принимают ценностных установок старшего поколения, даже если у них возникают общие цели. Появление самиздата, диссидентского движения свидетельствовали об отсутствии идеологической монолитности советского общества. Тоталитарные системы могут существовать только в условиях самоизоляции. Однако достичь самоизоляции в современных условиях не представляется возможным. Приведем следующие аргументы.

Так, в 1950 г. лишь у 2 % советских граждан были радиоприемники с коротковолновым диапазоном. В 1980-х годах информационная ситуация в стране радикально изменилась. К 1980 г. число тех, кто имел подобные радиоприемники, возросло до половины населения. Советское руководство предприняло меры, чтобы отечественные радиоприемники плохо принимали западные радиостанции, организовывало их глушение. Но полностью контролируемый информационный мир к 1980-м годам уходит в прошлое. Активная часть советских граждан получает альтернативные, по отношению к контролируемым государством каналам, сведения о происходящем. Сошлемся на справку КГБ, опубликованную в книге Е.Т. Гайдара "Гибель империи. Уроки для современной России": "Анализ статистических данных показывает, что значительная часть лиц, совершивших политически вредные проявления, испытывала непосредственное идеологическое воздействие из-за рубежа. Такие факторы, как прослушивание зарубежных радиопередач, чтение засылаемых в СССР буржуазных газет, книг и других печатных изданий, личное общение и переписка с враждебно настроенными иностранцами оказала влияние на 47 % (2012) лиц. Из числа всех факторов в качестве основного выступает влияние зарубежной радиопропаганды... Анализ материалов свидетельствует о распространённости среди молодежи интереса к зарубежному вещанию. Так, по данным исследования "Аудитория западных радиостанций в Москве", проведенного отделом прикладных социальных исследований ИСИ Академии наук СССР, с большей или меньшей регулярностью радиостанции слушают 80 % студентов и около 90 % учащихся старших классов, ГПТУ, техникумов. У большинства этих лиц слушание зарубежного радио превратилось в привычку (не реже 1-2-х раз в неделю зарубежные радиопередачи слушают 32 % студентов и 59,2 % учащихся)" (Гайдар, 2007).

Приведенные данные подтверждают вывод о том, что информационная глобализация являлась важнейшим фактором подрыва стабильности тоталитарного режима в Советском Союзе.

При рассмотрении проблемы крушения тоталитарной системы в Советском Союзе возникает вопрос: почему система способствовала самоуничтожению, не проявляя реакции на предостережения своих оппонентов? Вероятно, это обусловлено самой природой тоталитаризма: говорить и писать лишь то, что предписано. Советский тоталитаризм подавлял свободу мысли не только оппозиционной, но и конструктивной. Система отвергала те конструктивные идеи, которые рождались в умах ее оппонентов и могли если не сохранить, то хотя бы продлить ее существование. Задолго до краха тоталитаризма в СССР публицист Иванов-Разумник предостерегал, что в условиях диктатуры мысли нет возможности создать мысль, глубоко укоренившуюся. Конечно, можно создать сотни тысяч неспособных критически мыслить людей, повторяющих зазубренные слова, но велика ли цена для государства этих сотен тысяч, какое развитие мысли могут дать они? – спрашивал автор. "Диктатура в области мысли ставит непроходимую преграду для всякого развития этой самой мысли, – писал Иванов-Разумник. – Как же это примирить с основным положением марксизма о диалектическом развитии через тезис и антитезис к синтезу? Какой возможен или мыслим "антитезис", раз в тезисе есть уже вся истина, а все думающие иначе, – "уклонисты"?.. В целях собственного развития коммунизму раньше или позже придется отказаться от диктатуры в области мысли: вообще диктатура ведет к догматизму, в каких бы областях она себя не проявляла. А догматизм ведет к неизбежному распаду".

Заслуживает внимания точка зрения американского профессора О. Иоффе. Ученый за несколько лет до распада СССР утверждал, что советская система обречена, и вовсе не по причине своей нежизнеспособности, а прежде всего потому, что дух созидания заставит народ отказаться от зависимости и рабства. "Это будет народ, – подчеркивал О. Иоффе, – кто в конечном итоге отвергнет режим и создаст вместо него новую социально-политическую систему" (Joffe, 1988).

3. Противоречия экономической системы

Рассматривая противоречия советской системы, нельзя не коснуться вопроса, который имеет, на наш взгляд, особое значение. На Западе издано множество работ с анализом советской экономики и предсказаниями ее неизбежного краха. Одними из первых указывали на противоречивость созданных тоталитарных систем и предсказывали их крушение еще в период их формирования такие исследователи, как Л. Мизес, Ф. Хайек. В начале 20-х годов XX века австрийский экономист Л. Мизес показал, что коммунизм – это блеф и утопия, что социалистическая экономика, лишённая рыночных механизмов и базирующаяся на субъективистских решениях чиновников, никогда не создаст эффективного производства и распределения благ, отсутствие экономической свободы приведёт экономику в тупик, к разочарованию трудящихся масс.

Анализ экономического развития России свидетельствует, что уже в послевоенный период наблюдается проявление глубинных деформаций. Советская экономика с рубежа 1950-60-х годов постепенно трансформируется в то, что В. Найшуль назвал "экономикой согласования". Ориентиры производственной деятельности, система распределения ресурсов формируются не только на основе

команд, которые вышестоящий орган дает нижестоящим, а в процессе иерархических согласований. Падает уровень плановой дисциплины. Убедительные доказательства кризисного состояния советской экономики приводит один из идеологов коммунистического руководства второй половины 1980-х годов В. Медведев: "Восьмая пятилетка (1966-1971 годы) была, пожалуй, последним успешным периодом социально-экономического развития страны. Темпы экономического развития под влиянием хозяйственной реформы 60-х годов, более или менее благоприятных внешнеэкономических факторов оказались даже несколько выше, чем в предшествующие годы... В дальнейшем экономическое развитие стало быстро и неуклонно ухудшаться. Два последующих пятилетних плана, включая их социальные программы, оказались сорванными. До поры до времени экономическая конъюнктура поддерживалась высокими мировыми ценами на топливно-энергетические и сырьевые ресурсы. Лишь один сектор экономики постоянно пребывал в цветущем состоянии – это военно-промышленный комплекс. Страна изнывала под гнетом непосильного бремени военных расходов" (Медведев, 1994).

Следует отметить, что милитаристский характер советской экономики способствовал формированию диспропорции в ее развитии. Военно-промышленный комплекс занимал ведущее место в структуре народного хозяйства. Руководство страны развитию и поддержанию военно-промышленного комплекса предоставляло беспспорный приоритет и безграничную ресурсную базу как в материальном, так и в финансовом отношении. В итоге это проявилось в непропорциональном превышении группы А над группой Б, материального производства над областью услуг, перманентной недоразвитости сельского хозяйства.

Анализируя опыт экономического развития СССР, крупный английский ученый А. Ноув пишет, что марксизм на деле оказался не научным, а утопическим. Он ошибочно выдвигал идеи создания общества без товарного производства и денег, работающего на основе бюрократической иерархии плановой системы. Опыт СССР показал ее нежизнеспособность, цены выполняли лишь расчетные функции, а сама экономика стала затратной. Попытки перевести ее в русло "рыночного социализма" или соединить государственную собственность с маркетизацией оказались тщетными. "Рыночный социализм на деле оказался химерой, он не может работать в принципе" (Nove, 1991).

Такого же мнения придерживается известный венгерский экономист Я. Корнаи, который в результате своих исследований пришел к выводу, что "социалистическая система сама воспроизводит неразрешимые внутренние противоречия и конфликты и ведет себя иррационально" (Корнаи, 1992). Главный институт системы – партия и её аппарат с бюрократическим контролем всего общества – неэффективен уже по определению. Но эта неэффективность частично компенсировалась мессианской идеологией и пропагандой. Марксистская идеология укрепляла социализм подобно тому, как капитализм укрепляла протестантская религия. В системе централизованного планирования автор четко прослеживает следующие приоритеты: инвестиционных товаров над неинвестиционными, отечественных изделий над импортными, производственной сферы над непроизводственной, I подразделения над II подразделением, промышленности над сельским хозяйством, тяжелой промышленности над легкой, военного производства над невоенным, нового строительства над ремонтом, всего крупного над малым, экстенсивного развития над интенсивным. В дополнение к сказанному следует ещё вспомнить известную "теорию" ведущих звеньев, воплощавшуюся в каждом советском плане и ставшую обоснованием для сознательного формирования диспропорций и дисбалансов в экономике, а также искусственного стимулирования темпов роста на экстенсивной основе и любой ценой. Слабо развивались как раз те отрасли, которые направлены на удовлетворение потребностей людей.

Советская экономическая система и присущее ей централизованное планирование приводили не только к замедляющемуся росту исключительно неэффективной экономики, лишённой органической внутренней мотивации к труду и научно-техническому прогрессу, но и постоянно воспроизводимый дефицит. Такая экономика справедливо получила название "экономики дефицита". Как убедительно доказал Я. Корнаи, этот почти всеохватывающий дефицит был не результатом тех или иных ошибок в планировании, а органическим свойством самой экономической системы, которая базируется на государственной собственности, на бюджетном финансировании и в которой производитель работает не по законам рынка, спроса, предложения, конкуренции, самокупаемости, экономической ответственности, а по законам административно-командного режима. Отечественный исследователь Л. Гудков считает, что дефицит это не просто нехватка или скудость ресурсов, а способ организации общества: официальный статусно-иерархический доступ к распределению благ и ценностей.

Следовательно, режим централизованного планирования, директивного управления и внеэкономического принуждения был направлен, по существу, против потребителя, заинтересованного в изобилии предложения товаров и услуг, в свободе их выбора. Потребитель здесь вынужден брать то, что ему дают. Многие свои потребности он удовлетворить не может, государство для этого ничего не

предлагает, оно выполняет свой собственный план. Зато производитель чувствует себя комфортно, поскольку ему не надо бороться за потребителя, повышать качество своих изделий, расширять номенклатуру производимой продукции. К тому же государство страхует его от разорения, покрывая все его расходы из своего бюджета. От него требуется лишь выполнять план, быть лояльным существующему строю и послушным своему начальству.

Вышеизложенное свидетельствует, что тотальное планирование народного хозяйства приносит эффект лишь в ограниченных исторических масштабах. В мирных условиях централизованное государственное планирование производства и распределения продукции создало на деле не только самую громоздкую, но и самую неэффективную систему, породившую невиданную расточительность факторов производства и принудительный труд.

Важным показателем успешной экономики является производительность труда. В.И. Ленин вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом неоднократно подчеркивал, что благодаря общественной собственности на средства производства социалистический общественный строй превосходит капиталистическую систему, прежде всего, по производительности труда. Именно более высокая производительность труда является, по Ленину, действительным показателем победы социализма над капитализмом, неоспоримым доказательством того, что это новое общество представляет собой более высокую ступень в прогрессивном развитии человечества. Однако "развитой социализм", т.е. высшая ступень развития социалистического строя, не отличается более высокой, чем при капитализме, производительностью труда. Как отмечает Т.И. Ойзерман, "в СССР...она была в два три раза ниже, чем в капиталистическом производстве. Это обстоятельство ставило под вопрос правомерность понятия «эффективности производства». Чтобы устранить противоречие между идеей и действительностью, начали выдвигать на первый план понятие эффективности производства. Социалистическое производство, утверждали ученые и публицисты, более эффективно, чем производство в условиях капитализма, так как оно исключает безработицу, кризисы перепроизводства, хроническую недогрузку. Возможно, что понятие социалистической эффективности производства убеждало тех ученых, – пишет Ойзерман, – которые его обосновывали и разрабатывали, но оно не могло убедить трудящихся социалистического общества, ради которых собственно и было введено в научный и повседневный оборот. Основная масса населения СССР на своем опыте постигла, что социалистическое производство выпускает продукцию совершенно недостаточного качества и не может обеспечить население необходимыми продуктами питания и ширпотребом, т.е. одеждой, обувью и т.п." (Ойзерман, 2002).

Рассуждая над причиной краха советской системы, Ойзерман делает вывод, что, несмотря на партийные документы, газеты, радио и телевидение, которые продолжали внушать трудящимся, что социалистическое общество продвигается от одного достижения к другому, ещё более значительному, что условия жизни населения все более улучшаются, народ прозревал, т.е. все более осознавал, что грандиозный социалистический эксперимент, стоивший жизни десяткам миллионов трудящихся, потерпел столь же грандиозное фиаско (Ойзерман, 2002).

Таким образом, одним из факторов крушения советской системы является малоэффективная экономика, связанная централизованным планированием.

Осознание кризиса социалистической системы побудило руководство КПСС во главе с М.С. Горбачевым провозгласить необходимость перестройки социалистического общества, которая понималась, прежде всего, как совершенствование социалистических производственных отношений. Однако попытки усовершенствовать социалистический строй вступили в противоречие с объективным процессом его разложения, который ускорился благодаря провозглашению гласности, отмене цензуры и другим демократическим нововведениям, несовместимым с существованием тоталитарного государства.

Крушение советской системы вызывает острые дискуссии среди как отечественных, так и зарубежных ученых. Некоторые исследователи объясняют крушение социалистического общества внешними, чуть ли не случайными обстоятельствами, которые можно было бы предотвратить, если бы партийное руководство страны не допустило ряда крупнейших ошибок. Следует согласиться с данной точкой зрения, ошибок действительно было допущено много. Однако, на наш взгляд, допущенные ошибки носили второстепенный характер, главные противоречия заключались в сущности социалистической системы производства.

Безосновательными являются и высказывания ряда исследователей, которые пытаются объяснить крах СССР международным антикоммунистическим заговором. Т. Ойзерман совершенно справедливо заявляет, что данные исследователи "недооценивают мощь советского народа, который не только устоял перед гитлеровскими агрессорами, захватившими всю Западную Европу, но и разгромил немецко-фашистские войска, добил фашистский режим в его логове, освободил поработанные гитлеровской Германией народы. Такой народ, – по мнению ученого, – если бы он не утратил веру в социализм и, в особенности, веру в большевистскую партию, не могли бы свернуть с избранного им

исторического пути никакие происки врагов социализма. Но все дело в том, что советский народ, в том числе и значительная часть членов КПСС, вероятно, в отличие от ее руководителей, вполне уже осознавали, что на путях социализма невозможно добиться даже ликвидации дефицита продуктов питания и других жизненно важных вещей" (Ойзерман, 2002).

Следует сказать, что многие американские исследователи отмечают особую роль США в разрушении тоталитаризма в нашей стране. "В третий раз за всю историю этого столетия Соединенные Штаты участвовали в мировой войне и одержали в ней победу", – отмечает американский исследователь Д. Соуза (цит. по: Буторов, 2005). В апреле 1992 года директором внешнеполитических и оборонных исследований Фонда Наследия США К. Холмсом и его заместителем Дж. Козмински был подготовлен Меморандум "Америка в безопасном мире". "Крах советской империи и мирового коммунизма – это победа Америки, подобной которой в мировой истории немного, – отмечают авторы Меморандума. И прежде всего это победа американских консерваторов" (Америка в безопасном мире, 1992).

На наш взгляд, в этом высказывании явно подчеркивается мысль об исключительной роли США в мире. Главной причиной краха тоталитаризма в СССР никоим образом не является прямое воздействие какого-либо государства, в том числе и США.

Если говорить о влиянии американской социально-политической мысли на крушение тоталитарной системы в нашей стране, то оно носило скорее не прямой, а косвенный характер. Это влияние выражалось в научных концепциях и идеях, которые, несмотря на закрытость системы, все-таки проникали в нее. Как отмечал М. Мамардашвили: "полностью закрыть все нельзя. И железный занавес имеет дыры. А он приоткрывался...".

В конце 80-х годов кризис, который охватил систему, был такой глубины, что заколебались сами ее основы. Курс на реформы, предпринятый М.С. Горбачевым в этот период, не только не остановил, но и ускорил агонию тоталитарной системы в Советском Союзе. "Горбачев понимал, что система переживает кризис, – отмечает директор Исследовательского института международных перемен при Колумбийском университете С. Байлер. – Но он не осознавал его глубины. Он полагал, что система нуждается в реформе" (Bialer, 1991/1992).

Известный исследователь тоталитаризма З. Бжезинский одним из первых дал полный и аргументированный анализ бесперспективности реформ М.С. Горбачева. В работе "Великий провал: рождение и смерть коммунизма в двадцатом столетии" ученый писал: "Любой анализ будущего коммунизма в Советском Союзе зависит от ответа на вопрос: является политика Горбачева сигналом возрождения или истощения коммунизма, ответ на этот вопрос должен указывать в направлении истощения, а не возрождения" (Brzezinski, 1989).

В своей работе З. Бжезинский тезисно раскрыл пять возможных вариантов развития событий в Советском Союзе и давал свое заключение относительно вероятности каждого из них. Первый вариант, предполагавший значимый успех перестройки, он расценивал как крайне сомнительный. "Вариант два. Длительный, ни к чему не приводящий беспорядок. Вариант три. Возобновление стагнации, когда перестройке не станет хватать пара. Вариант четыре. Регрессивный и репрессивный политический переворот, совершаемый в порядке реакции на вариант два или три. Вариант пять. Фрагментация Советского Союза, вследствие той или иной комбинации перечисленных вариантов" (Brzezinski, 1989).

Развитие политических событий в Советском Союзе полностью подтвердило предсказания американского исследователя.

Наряду с вышеперечисленными противоречиями советской системы, следует указать и на ряд других факторов, способствовавших разрушению СССР.

Актуальными представляются выводы Л. Гудкова о том, что "тоталитарные системы не могут воспроизводиться длительное время. Есть несколько функциональных обстоятельств, которые усиливают внутрисистемные напряжения:

1) императивы отдельных функциональных групп и институтов, давление формально-технической рациональности, необходимости развития этих институтов, которые не могут быть полностью остановлены, ибо подчиняются внешним импульсам и силам (наука, производство, особенно военное, образование, культурные группы, обеспечивающие массовую лояльность и поддержку);

2) интересы самосохранения и материального обеспечения бюрократических клик, помимо воли вынужденных ограничивать вначале периодически, затем со все большей продолжительностью кампании террора и чисток, ограничивать террор и репрессии отдельными группами населения или в сфере управления, что немедленно порождает тенденции децентрализации (в условиях империи ведет к появлению идеологических групп и этнонациональных или региональных элит);

3) растущая разбалансированность милитаризированной и плановой экономики; действие повседневных материальных интересов населения, давление дефицитарного общества, ведущее к постоянной демобилизации; развитие неформальных сетей отношений и теневой экономики,

превращающейся в ресурс выживания и даже некоторого развития общества и населения, но одновременно создающей условия для последующей криминализации государства" (Гудков, 2001).

Нельзя не отметить, что немаловажным фактором, способствовавшим разрушению СССР, является рост сепаратистских настроений. Межэтнические конфликты имели место как во время правления Н. Хрущева, так и при Л. Брежневе. Главными точками напряжения считались Казахстан, Армения, Абхазия. В Армении 24 апреля 1965 г. прошли стихийные митинги, в которых приняли участие от 3 до 8 тыс. человек. Выступавшие требовали возвращения Нагорного Карабаха в состав Армении, освобождения своих единомышленников. В Абхазии беспорядки в 1967 г. продолжались в течение двух недель. Однако в форму вооруженного межнационального противостояния они не переходили. Кардинально изменилась ситуация в период перестройки. Крушение тоталитарной системы в СССР началось, по сути, с распада самого государства. "От Эстонии на Балтийском море до Таджикистана в горах Памира в Средней Азии Советский Союз расплывается по швам, – подчеркивал в 1990 г. видный американский советолог М. Мандельбаум. – СССР как таковой скоро может перестать существовать. Если это произойдет, мир потеряет не только свое коммунистическое государство, но также свою последнюю великую национальную империю" (цит. по: Буторов, 2005). Зарубежные исследователи, опираясь на мировой опыт и отождествляя Советский Союз с великой империей, предрекали ему неизбежный распад.

4. Заключение

На наш взгляд, представляется возможным сделать следующий вывод. Происшедшие в Советском Союзе перемены были обусловлены внутренними процессами в самой системе. Она оказалась нежизнеспособной и обреченной. На исходе XX века тоталитаризм в СССР исчерпал все свои внутренние возможности, и его крах был закономерен. Утверждения некоторых российских исследователей-обществоведов о том, что причиной крушения советской системы послужили "происки" США и других стран Запада, бездоказательны и ненаучны.

Литература

- Bialer S.** The death of Soviet communism. *Foreign Affairs*, v.70, N 5, p.166, 1991/1992.
- Brzezinski Z.** The grand failure: The birth and death of communism in the twentieth century. *N.Y., Charles Scribner's Sons*, p.243, 100, 1989.
- Joffe O.S.** Prospects for the reception of soviet law after the collapse of the Soviet system. *In: The Soviet Union and the Challenge of the Future. Ed. by A. Stromas, M.A. Kaplan. N.Y., Paragon House Publishers*, p.516, 1988.
- Liqueur W.** Is there or has there ever been such thing as totalitarism? *N.Y., Commentary*, October, p.30, 1985.
- Nove A.** The Economics of feasible socialism revisited. *N.Y., Harper Collins Academie*, p.258, 1991.
- Америка в безопасном мире. Внешнеполитический проект Фонда Наследия. *США: экономика, политика, идеология*, № 7, с.4, 1992.
- Арон Р.** Демократия и тоталитаризм. *М., Лит. Издательство РИФ*, с.286-287, 1993.
- Ахизер А.С.** Социокультурная патология в России и Европе. *М., Изд-во МГУ*, с.65, 2000.
- Ахизер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А., Яковенко И.Г., Яркова Е.Н.** Большевизм – социокультурный феномен. *Вопросы философии*, № 11, с.55, 2001.
- Баллестрем К.Г.** Апории теории тоталитаризма. *Вопросы философии*, № 5, с.21, 24, 1992.
- Бутенко А.** Борьба за власть между бюрократией и народом остается главной проблемой общества. *Общественные науки*, № 6, с.74, 1989.
- Буторов С.А.** Советский тоталитаризм в социально-политической мысли США: историко-философский анализ. *Дис. ... доктора философских наук, Ашхабад*, с.139, 160, 2005.
- Гайдар Е.Т.** Гибель империи. Уроки для современной России. *М., "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН)*, с.133, 2007.
- Гудков Л.** Тоталитаризм как теоретическая рамка: попытки ревизии спорного понятия. *Мониторинг общественного мнения*, № 6, с.28, 2001.
- Зиновьев А.А.** Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. *М., Центрполиграф*, с.13,14, 1994.
- Корнаи Я.** Путь к свободной экономике. *М., Экономика*, с.30, 1990.
- Медведев В.А.** В команде Горбачева. Взгляд изнутри. *М., Былина*, с.6,7, 1994.
- Ойзерман Т.И.** Марксистская концепция социализма и реальный социализм. *Вопросы философии*, № 3, с.29, 30, 2002.